

DOI 10.15826/izv2.2023.25.2.036
УДК 662.58 + 069(571.54) + 7.072.5:069.51 +
+ 745.5

Е. А. Баторова
*Российский государственный
гуманитарный университет*
Москва, Россия

Т. А. Бороноева
Национальный музей Республики Бурятия
Улан-Удэ, Россия

КОЛЛЕКЦИЯ ОГНИВ XIX–XX вв. ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Статья посвящена изучению коллекции огнив XIX–XX вв. из Национального музея Республики Бурятия, в частности, из фондов Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова и Бурятского художественного музея им. Ц. С. Сампилова. Бурятское огниво не являлось предметом специального изучения, исследовалось в контексте изысканий по истории традиционной культуры и национального костюма в ряде трудов по истории, этнографии, культурологии XX — начала XXI в.: Б. Э. Петри, П. П. Хороших, Н. В. Кочешкова, А. А. Бадмаева, Р. Д. Бадмаевой, В. А. Банаевой. В искусствоведении фрагментарные описания были даны в работах И. И. Соктовой, А. В. Тумахани. В задачи данной статьи входит рассмотрение предметов по форме, технологии, декорированию определенными мотивами в рамках досоветского, советского и постсоветского периодов. В исследовании были применены следующие методы: иконографический, иконологический, сравнительно-сопоставительный. Согласно типологии тюрко-монгольских огнив была проведена атрибуция предметов предбайкальских и забайкальских бурят, также некоторых локальных этногрупп, выявлены художественные особенности творчества мастеров. В заключении подведены итоги исследования. Бесспорна вариативная уникальность коллекции огнив конца XIX — начала XX в. из Музея истории Бурятии. Авторские изделия, созданные потомственными ювелирами XX в., из фондов Бурятского художественного музея им. Ц. С. Сампилова демонстрируют сохранение традиций и внедрение новаций. Предмет представлен как неотъемлемая часть ряда великолепных гарнитуров, предназначенных для праздничных национальных костюмов и музейного экспонирования.

Ключевые слова: огниво; типология; музейная коллекция; Национальный музей Республики Бурятия; атрибуция; традиционное ремесло; традиция и новация

Цитирование: *Баторова Е. А., Бороноева Т. А. Коллекция огнив XIX–XX вв. из Национального музея Республики Бурятия // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 2. С. 253–267. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.036>*

*Поступила в редакцию: 27.02.2023
Принята к печати: 06.04.2023*

Elena A. Batorova

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia*

Tatiana A. Boronoeva

*National Museum of the Republic of Buryatia
Ulan-Ude, Russia*

COLLECTION OF 19th–20th-CENTURIES TINDERBOXES FROM THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

This article studies the collection of tinderboxes from the nineteenth to twentieth centuries from the National Museum of the Republic of Buryatia, more particularly, the funds of the M. N. Khangalov Museum of Buryatia History and Ts. S. Sampilov Art Museum. The Buryat flint has not been a subject of specialized research previously. It was studied in the context of research on the history of traditional culture and national costume in several works on history, ethnography, cultural studies of the twentieth and early twenty-first centuries by B. E. Petri, P. P. Khoroshikh, N. V. Kocheshkov, A. A. Badmaev, R. D. Badmaeva, and V. A. Banaeva. In art criticism, separate descriptions were given in the works of I. I. Soktoeva and A. V. Tumakhani. The authors employ the iconographic, iconological, and comparative methods and aim to consider the art objects in terms of form, technology, decoration with certain motifs within the framework of the pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet periods. The attribution of the objects from the Pre-Baikal and Transbaikal Buryats, as well as those of some local ethnic groups, follows the typology of the Turkic-Mongolian tinderboxes. The analysis reveals the artistic features of the craftsmen's work. The conclusion of the article contains the results of the study. The variative uniqueness of the collection of tinderboxes of the late nineteenth and early twentieth centuries from the M. N. Khangalov Museum of Buryatia History is undeniable. The unique products from the funds of the Ts. S. Sampilov Art Museum created by hereditary jewelers of the twentieth century demonstrate the preservation of traditions and the introduction of innovations. The item is presented as an integral part of a series of magnificent sets intended for festive national costumes and museum display.

Key words: tinderbox; typology; museum collection; National Museum of the Republic of Buryatia; attribution; traditional craft; tradition and innovation

For citation: Batorova, E. A., & Boronoeva, T. A. (2023). Kolleksiia ogniv XIX–XX vv. iz Natsional'nogo muzeia Respubliki Buriatii [Collection of 19th–20th-Centuries Tinderboxes from the National Museum of the Republic of Buryatia]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(2), 253–267. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.2.036>

Submitted: 27.02.2023

Accepted: 06.04.2023

Традиционное бурятское огниво прежде не являлось предметом специального изучения в работах по искусствоведению, фрагментарные описания можно найти в работах И. И. Соктовой, А. В. Тумахани. Данный предмет

чаще рассматривается в контексте изысканий по истории традиционной культуры и национального костюма, встречаясь в описаниях трудов историков, этнографов, культурологов XX – начала XXI вв.: Б. Э. Петри, П. П. Хороших, Н. В. Кочешкова, А. А. Бадмаева, Р. Д. Бадмаевой, Д. А. Николаевой, В. А. Банавой и др. Исследование посвящено изучению и атрибуции коллекций огнив XIX–XX вв. из фондов Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (далее МИБ. — *Е. Б., Т. Б.*) и Бурятского художественного музея им. Ц. С. Сампилова (далее БХМ. — *Е. Б., Т. Б.*), ныне входящих в состав объединенного Национального музея Республики Бурятия. В задачи входили атрибуция музейных предметов из МИБ, их соответствие типологии тюрко-монгольских огнив, особенности коллекции БХМ.

Легенды и предания бурятских племен содержат сведения о небесном происхождении огня и кузнечного ремесла¹, секреты которого передавались из поколения в поколение. Огонь являлся символом чистоты, семейным хранителем, его почитали, совершая обряды моления, призыва удачи, богатства, рождения потомства. Как и у многих народов, необходимым предметом в повседневной жизни охотников и скотоводов являлось огниво (кресало).

После того как табак был завезен на территорию Сибири в начале XVII в. и стал популярен у многих народов, огниво вошло в состав курительного комплекта, дополненного трубкой и кесетом. Богато украшенный набор служил этнолокальным маркером, показателем социального статуса владельца, его обеспеченности и вкуса, являлся необходимым аксессуаром традиционного костюма. Как и у других кочевых народов, нож и огниво выступали ритуальными предметами дарения-обмена будущих сватов [Баторова, 2022, с. 62]. Комплект из огнива, ножа в ножнах крепился при помощи кожаных ремешков и металлических колец к наборному поясу, декорированному металлическими пластинами в технике чеканки. Распространение подобных поясных подвесок, как указывает Н. В. Кочешков, связывают с древнетюркской традицией [Кочешков, с. 109]. В XIX в. у бурят приобрели большую популярность матерчатые (полушелковые, шелковые) кушаки, при этом нож с ножнами крепился и затыкался за пояс, огниво также подвешивалось на цепочке или шнуре. Конструкция огнива (*бур. хэтэ*) состоит из верхней части, кожаной сумки, где хранятся кремь и трут, и нижней стальной полоски кресала.

В ранее предложенной типологии тюрко-монгольских [Баторова, 2022] огнив по форме, технологии, декорированию специфическими мотивами были определены, в качестве основных и наиболее распространенных, два варианта вещи — «прямоугольная, как более архаичная, сформированная под влиянием дробуддийского пласта, и вогнутая трапециевидная, в орнаментике которой

¹ Кузнечное ремесло было самым почитаемым у тюрко-монгольских народностей. Были предания о делении на черных и белых кузнецов, где белые кузнецы создавали украшения из благородных металлов, являясь ювелирами, а черные кузнецы производили оружие для охоты, бытовые предметы из черных и цветных металлов.

сказалось влияние буддийской культуры для монголов, бурят и тувинцев» [Баторова, 2022, с. 71]. Как было отмечено, первый тип тюрко-монгольских огнив тяготеет к прямоугольной конфигурации как самой сумочки, так и ударного лезвия, украшен непримечательным декором с геометрическими или растительными элементами, имеет круглое кольцо для подвешивания без шарнирного крепления [Там же, с. 67] либо проволочную С-образную скобу. При его создании используются сплавы металлов, отсутствует инкрустация полудрагоценными минералами. Этот древний тип огнив характерен для творчества бурят Предбайкалья. В 1829 г. немецкий ученый и путешественник Г. А. Эрман писал: «Уже в Иркутске мы видели кое-что из изящных металлических изделий бурят: их огнива по праву предпочитают лучшим европейским огнивам и покупаются русскими по дорогой цене» [Банаева, с. 82]. Примерно к концу XIX в., под влиянием забайкальских вещей, мастера видоизменяют как форму сумочки, так и конфигурацию стального лезвия, немного их удлиняя.

В Музее истории Бурятии им. М. В. Хангалова предметы хранятся, в соответствии с используемыми материалами, в двух фондах — «Быт. Этнография» (17 ед. хр.) и «Драгметаллы» (19 ед. хр.). В ходе изучения образцов мы пришли к заключению, что большинство предметов в фонде «Быт. Этнография» представляют собой огнива из сплава металлов предбайкальских бурят², довольно редко встречающихся в других отечественных собраниях, а также стилистически близкие к ним образцы огнив Забайкалья. Хранилище «Драгметаллы» интересно произведениями забайкальских³ умельцев-ювелиров, работающих с серебром, нередко инкрустированным полудрагоценными минералами.

Два предмета из МИБ — ОФ-7439 и ОФ-9997, происходящие из Хоринского района, обнаруживают соответствие с экземпляром из постоянной экспозиции Хужирского краеведческого музея им. Н. М. Ревякина, расположенного в Иркутской области, на о. Ольхон. Данные огнива представляют ценность именно как этнографические вещи: небольшие кожаные с тиснением сумочки без металлической оправы и декора закреплены к овальным по форме кресалам со следами выработанного края. Безусловно, подобные варианты огнив были сугубо хозяйственного предназначения. Следует отметить, что ранние этапы становления племени хори связаны с территорией Предбайкалья, поэтому подобные аналогии не случайны.

Если же обратимся к образцам нарядно украшенных огнив, то обнаружим, что явную близость к типу предбайкальских огнив имеют вещи из Баргузинского района (МИБ ОФ-20434, ОФ-4731-3), где расселялись многие бурятские рода,

² Предбайкальские (прибайкальские) буряты проживают на территориях к западу от оз. Байкал, в настоящее время — районы Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского округа. Это аларские, балаганские, верхоленские, кудинские, ольхонские группы бурят.

³ Забайкальские буряты проживают на территории к востоку от оз. Байкал, в настоящее время — территории Республики Бурятия (баргузинские, хоринские, тункинские, селенгинские и другие буряты) и Забайкальского края (Агинский, Дульдургинский и другие районы).

в разное время так же, как и хоринцы, переселившиеся на забайкальские территории через оз. Байкал из предбайкальских районов — Качуга, Верхней Лены и т. д.

Относительно орнаментации кудинских бурят, проживавших в Предбайкалье, Б. Э. Петри в известном исследовании начала XX в. выделял три орнаментальных группы — геометрические узоры, «солнце и луна» и «бараний рог» [Петри, с. 231–240]. «Графема “солнце и луна” существовала и на шаманском одеянии, и на онгонах и на предметах вооружения — колчанах и налучниках предбайкальских бурят. Размещение подобного мотива на огнивах не случайно, так как символически связано с актом высекаания огня, имеющего небесное происхождение» [Баторова, 2018, с. 29]. Как и кудинские огнива, старинные ольхонские и верхоленские образцы украшались подобными архаичными узорами. Баргузинский образец МИБ ОФ-20434 декорирован симметричной композицией из пяти металлических дисков, где крупный расположен по центру, а остальные сгруппированы по сторонам. Лицевая сторона предмета МИБ ОФ-4731-3 (ил. 1) декорирована также тремя дисками и дополнена нижними треугольными пластинами с роговидными элементами, которые прочно фиксируют кожаный край крышки сумки. Все пластины из сплава металла белого цвета имеют гладкую шлифованную поверхность, без гравировки, профилированный поясок скрепляет по всему периметру конструкцию сумки с кресалом.

В инвентарной книге провенанс вещей МИБ ОФ-8261-1 и МИБ ОФ-8261-3 указан как Предбайкалье, из материалов — латунь, медь, сплав белых металлов. Схема композиции предбайкальского образца МИБ ОФ-8261-3, несмотря на некоторую вариативность, аналогична вышерассмотренной баргузинской вещи ОФ-4731-3, утрачен лишь центральный элемент. Нарядно украшены бордюром из мелких штампованных кружков очертания латунных пластин на кожаной поверхности. Колористическая палитра вещей расширена за счет введения медных клепок — красно-коричневых акцентов на фоне желтой латуни и темно-серой стали.

Следует отнести к предбайкальской группе и предмет МИБ ОФ-10510 (ил. 2), при том что в музейной записи территориальная принадлежность зафиксирована как Забайкалье. Полагаем, что, несмотря на слегка вытянутую форму, данная вещь была изначально создана предбайкальским мастером, и лишь позднее к ней была добавлена фигурная подвеска в забайкальской стилистике. Композиция в виде трех выпуклых дисков с характерными мотивами, расположенных симметрично по сторонам сумочки, использование медных заклепок, наличие специфической техники насечки серебром по металлу — всё свидетельствует в пользу нашей атрибуции в качестве продукции предбайкальцев. Фото аналогичного предбайкальского образца размещено в публикации В. А. Банаевой [Банаева, с. 127] из музейных фондов.

Проникновение и установление буддизма в XVII–XVIII вв. на территории Забайкалья оказало огромное влияние на творчество бурятских дарханов⁴,

⁴ Монг., бур. *дархан* ‘кузнец, мастер’.

Ил. 1. Огниво. Сер. XIX в. Забайкальская обл., Баргузинский уезд. Сталь, кожа, сплав металлов, медь, латунь. $9,4 \times 5 \times 1,1$ см. Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова

Fig. 1. Tinderbox. Mid-19th century. Transbaikal Region, Barguzinsky Uyezd. Steel, leather, metal alloy, copper, brass. $9.4 \times 5 \times 1.1$ cm. M. N. Khangalov Museum of Buryatia History

Ил. 2. Огниво. XIX в. Забайкальская обл. Сталь, кожа, латунь, медь, железо, серебро. Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова

Fig. 2. Tinderbox. 19th century. Transbaikal Region. Steel, leather, brass, copper, iron, silver. M. N. Khangalov Museum of Buryatia History

поскольку в разнообразные комплексы бурятского костюма вводится декоративное оформление украшений с буддийскими символическими образами и мотивами. Обратимся к рассмотрению забайкальских огнив, относящихся ко второму тюрко-монгольскому типу, состоящих из нижнего дугообразного стального кресала и вогнутой трапециевидной формы кожаной сумочки. Композиция создается из криволинейного центрального узора и боковых зеркально-симметричных пластин с пышными растительными и зооморфными мотивами, наделенными благопожелательным смыслом: львами, птицей Гаруди, газелями, драконами, летучими мышами. В верхней части сумочки к узкой декорированной планке прикреплен скоба прямоугольной или С-образной формы с конструктивно усовершенствованным шарнирным креплением. Забайкальскими умельцами используются серебряные накладки на кожаную поверхность вещи в техниках чеканки, резьбы, гравировки, с инкрустацией кораллом, лазуритом, нефритом. Лицевая сторона полоски кресала может быть орнаментирована в технике насечки серебром, гравировкой, вставками эмалью [Баторова, 2022, с. 67–68].

Несомненный интерес в коллекции Национального музея Республики Бурятия представляют монгольские огнива, которые отличаются более разнообразными оттенками тисненой кожи сумочки, где, помимо черной и темно-коричневой, как в бурятских изделиях, встречаются вариации от светло-коричневых до красновато-коричневых вариантов. Как и для большинства монгольских предметов характерен более объемный, рельефный декор с меандровидным узором, вплетенным в растительный (МИБ ОФ-5040). Тем не менее, некоторые монгольские и забайкальские бурятские образцы сложно отличить. К примеру, такова монгольская вещь из г. Урга начала XX в. (МИБ ОФ-12175), принадлежавшая известному путешественнику-востоковеду Г. Ц. Цыбикову: крышка сумочки полностью покрыта металлической пластиной с вычеканенной композицией в низком рельефе с тремя драконами в анфас и двумя профильными стилизованными изображениями животных. В образце МИБ ОФ-14597, происходящем, согласно записи, из региона Южного Забайкалья и Монголии, используется идентичная схема, где боковые пластины представлены профилями драконов, а Г-образный меандр обрамляет сумочку. При этом необходимо отметить, что данный предмет выполнен гораздо проще и грубее в деталях.

Аналогию с обозначенным выше рядом предметов, где применяется симметричная композиция с драконами и Т-образным (монг. *алхан хээ* ‘молоточный узор’) бордюром, обнаруживает экземпляр МИБ ОФ-13306 из Джидинского района. По нашему мнению, данное огниво является работой не бурятского, а монгольского мастера. Так, показательно применение красно-коричневой кожи; виртуозно выполненного высокого рельефа с изображением прихотливо выющихся растительных мотивов, драконов на сумочке и идущих львов на пряжке; массивной четырехгранной цепи; а также использование позолоты⁵ в отдельных деталях. Огниво входит в замечательный комплект с ножом в ножнах, двумя

⁵ Бурятские мастера редко использовали золочение.

пряжками и декоративным подвесом в виде серебряного слитка. Крепившиеся к поясу, парные подвески для огнива и ножа с ножнами стилистически решались одинаково, когда один выбранный мотив служил основой для декора верхней и нижней частей, соединенных шарнирным креплением [Баторова, 2022, с. 64–65].

Наиболее изысканно декорированными, тонко проработанными предстают многочисленные огнива второго типа монгольских кузнецов с обилием узоров, использованием накладной филигрны [Нарантуяа, с. 173], зерни и инкрустацией из коралла, лазурита, бирюзы, а также с применением эмали. Существуют исключительные экземпляры с использованием жемчужной и золотой нитей, проложенных по контуру сумочки, угловых и центральных композиций, из коллекции Государственного фонда драгоценных металлов и сокровищ Монголии [Баторова, 2022, с. 68; Цултэм, рис. 67].

Среди районов Забайкалья, известных своими прославленными потомственными кузнецами и локальными художественными традициями, следует упомянуть Джиду, Закамну, Оку, Тунку, Еравну, Кижингу, Агу и т. д. Оригинальное художественное решение представляет пример МИБ ОФ-9935, где кижингинский мастер использовал тонкую подкладку из желтого металла в качестве фона для резных, серебряных накладок на кожаную сумочку. В центре корпуса вещи размещен идущий лев, причем на лицевой стороне по сторонам представлены змеевидные фигурки драконов, а на обороте — фениксы. Одним из лучших образцов фонда «Драгметаллы» является огниво МИБ ОФ-5045

Ил. 3. Огниво. I пол. XX в. Забайкальская обл. Серебро, сталь, кожа, 15 × 8,4 см. Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова

Fig. 3. Tinderbox. First half of the 20th century. Transbaikal Region. Silver, steel, leather, 15 × 8.4 cm. M. N. Khangalov Museum of Buryatia History

(ил. 3) с изящно проработанным зеркальным рисунком тонконогих оленей и птиц Гарудой с распластанными крыльями.

Отдельный блок исследований представляет атрибуция многообразных подвесов к огнивам из коллекций МИБ и БХМ: монетарные; из полудрагоценных камней; морских раковин и т. д. Священный чанк (санскр. *Shankha*)⁶ имеет небольшие размеры раковины белого цвета (лат. *Turbinella pyrum*), используется как дополнение к огнивам БХМ ДПС-525-1; МИБ ОФ 15794. У знаменитых кузнецов XX в. встречаются видовые интерпретации

⁶ Драгоценная раковина входит в списки «восьми благоприятных символов» и «восьми благоприятных субстанций» буддизма, используется в качестве ритуального инструмента.

раковин — традиционное каури (*цунпéи*, лат. *Cypraea*)⁷, как в работе Р. Д. Нохова, а также рапана (лат. *Rapana venosa*) у С. С. Санжиева.

Нам удалось установить, что мастерами были использованы разные варианты китайских серебряных слитков (рус. *Ямб*; кит. *Юаньбао*) династии Цин (МИБ ОФ-13304, ОФ-13306), часто встречающихся в монгольских изделиях. Среди редкостных подвесок в бурятских изделиях встречаются следующие серебряные монеты: гонконгский доллар 1898 г. (МИБ ОФ-15673) с изображением фигуры Британии в шлеме, с трезубцем и щитом на аверсе [Remick, James, Dowle, Finn, p. 85–87], а также японская монета достоинством 50 сен с драконом на реверсе, которая, как мы полагаем, отчеканена в 1874 г. — в период правления Мейдзи (1870–1912). Занимателен декор украшения к огниву МИБ ОФ-13854, где царская монета с двуглавым орлом укреплена в центре крупной многолепестковой розетты из бледно-зеленого нефрита. На самом деле, подобное декоративное решение подвеса может трактоваться как одно из устойчивых у монгольских народов: в публикации М. Амгалан воспроизведена прорисовка идентичного брелока племени халха [Амгалан, с. 110], где незначительное отличие состоит лишь в применении выпуклой рельефной заклепки вместо российской монеты.

Особого упоминания заслуживают женские огнива, которые отличаются небольшими, компактными размерами, декорируются исключительно растительными мотивами, где центром композиции зачастую становится цветок лотоса (бур. *бадма сэсэг*). Это образцы МИБ ОФ-8261-1, МИБ ОФ-5031, МИБ ОФ-11542 и др. В Серебряном фонде БХМ представлены поясные женские украшения — *ханжуурга* или *шэмхуургэ* (щипчики), набор которых состоял из парных дисков *гарьха*, к которым подвешивались туалетные принадлежности — ухвертка, ногтечистка, зубочистка, щипчики, а также нож в ножнах и огниво (БХМ ДПС-201). Весьма интересно и то, что, помимо прочего, среди дополнительных предметов, могли подвешиваться к набору миниатюрные копии топора, меча, кистеня, молотка, копья и т. д., которые также встречаются в украшении конных тростей шамана [Михайлов, с. 181], выполнявших защитные и охранительные функции.

Как уже отмечалось выше, в оформлении мужских гарнитуров широко используются особо ценный и популярный красный коралл, а также лазурит и нефрит, в технике инкрустации на поверхности рукоятки ножей, ножен, огнива и трубки. К забайкальским огнивам крепятся цепи панцирного плетения либо более массивные — четырехгранные, ранее встречавшиеся в изделиях монгольских мастеров.

На сегодняшний день в Серебряном фонде Художественного музея им. Ц. С. Сампилова насчитываются 23 ед. хр., это огнива, преимущественно входящие в авторские комплекты изделий XX–XXI вв. Первые работы были приобретены у кижингинского мастера Ц.-Д. Намжилона (1902–1965),

⁷ Данный вид раковин популярен в ювелирных украшениях бурят еще с добуддийского времени.

организовавшего в 1944 г. мастерскую по чеканке при Союзе художников в г. Улан-Удэ. Комплект, состоящий из ножа с ножнами, огнивом и пряжками, украшен мотивом советского времени — пятиконечной звездой, ставшей композиционным центром частей гарнитура (БХМ ДПС-3). Пятиконечные звезды, серп с молотом — мотивы геральдики советской власти, которые повсеместно внедрялись в состав бурятского орнамента особенно в 1930–1940-е гг., украшали и многие произведения ювелирного искусства. Главный хранитель Художественного музея Т. А. Алексеева отмечает, что фонд в данный период пополнялся произведениями родовых дарханов, участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. и первой декадной выставки 1940 г. в Москве — Г. Т. Тубшинова, Л. Гожоглоо, Д. Ч. Чагдурова, Д. Л. Логиновой, Д. С. Бадмаева, Ц.-Н. Нимаева, Б. М. Донсорунова, Р. Д. Нохорова [Белый волосок..., с. 26].

В Серебряном фонде БХМ представлены многочисленные изделия из прославленного села Санага Закаменского района, которое по праву можно рассматривать как художественно значимый центр народного творчества конца XIX — XX в., знаменитый не только рядом имен потомственных кузнецов, но и умельцев-прикладников по коже и дереву. Образец БХМ ДПС-97, созданный в 1957 г. Р. Д. Нохоровым (1924–1992), выходцем из династии кузнецов, отличается строгостью художественного решения и добротностью в проработке деталей, в то же время выглядит нарядно и эффектно благодаря рельефному ажурному растительных элементов из словно состаренного, потемневшего серебра, напоминая тем самым старинные образцы. Невероятно оригинально смотрится другая его работа (БХМ ДПС-100), где сумочка огнива представляет серебряную фигурку льва, припавшего к земле, причем его абрис точно воспроизводит традиционную трапециевидную форму предмета (ил. 4). Весьма выразительно трактована морда с оскаленной пастью, живописно расчеканены хвост и грива животного, цветочными розетками украшена своеобразная «попонка», которая оформляет подвижную крышку вещи. В верхней части корпуса расположена петлеобразная скоба, припаянная к гладкому шару на цветочном ложе. Традиционно дополняют образ льва оскаленные лики трех драконов, которые украшают литые подвески комплекта.

В 1970-е гг. «в фонде появляются ювелирные украшения молодых чеканщиков Д. Санжиева, Б. Жамбалова, В. Цыжибона, Д. Эрдынеева, Ж. Эрдынеева, Б. Батожабая, Э. Манзарова, которые в настоящее время уже считаются признанными мастерами, уверенно продолжающими традиции бурятского ювелирного искусства» [Белый волосок..., с. 26–29].

Очень показательным становление как мастера Б. Г. Жамбалова (1952–2016). Не являясь потомственным дарханом, в 1971 г. он специально поехал учиться секретам ремесла у прославленного закаменского ювелира Б.-М. Г. Тубшинова, а затем продолжил учебу в Абрамцевском художественно-промышленном училище. С конца 1970-х гг. Булат Гэндэнович создает ювелирные изделия, среди которых выделяются и предметы мужских гарнитуров «Селенга» (1979), «Гэсэр» (1982), «Батор» (1985), «Алтаргана» (2016) и др. Его огниво из набора

Ил. 4. Нохоров Р. Д. Огниво. Из комплекта мужского гарнитура. 1958.

Серебро, сталь, кожа, раковина. 7,5 × 8,5 × 1,5 см.

Бурятский художественный музей им. Ц. С. Сампилова

Fig. 4. Nokhorov R. D. Tinderbox. From a man's set. 1958.

Silver, steel, leather, shell. 7,5 × 8,5 × 1,5 cm. Ts. S. Sampilov Art Museum

«Гэсэр» (БХМ ДП-1276) выглядит современно и вполне традиционно по форме и композиции декора, все элементы растительного орнамента, украшающего накладки корпуса предмета и пряжки, тщательно прочеканены (ил. 5). При этом мастер использует мельхиор, тем самым создавая эффект серебра с патиной времени, особую нарядность вещи придают яркие вкрапления кабошонов коралла, мельхиора и лазурита, размещенных даже на боковых гранях огнива. Как правило, габариты предметов у мастера парадно-монументальны, некоторые декоративные элементы укрупнены и предназначены как для торжественных, сценических костюмов, так и для музейного экспонирования.

С 1990-х гг. в русле процесса возрождения национальных традиций бурятские дарханы расширяют спектр орнаментальных мотивов на предметах,

Ил. 5. Жамбалов Б. Г. Огниво. Из комплекта мужского гарнитура. Мельхиор, коралл, лазурит, чеканка, 16 × 7 × 1 см. Бурятский художественный музей им. Ц. С. Сампилова

Fig. 5. Zhambalov B. G. Tinderbox. From a man's set. Cupronickel, coral, lapis lazuli. 16 × 7 × 1 cm. Ts. S. Sampilov Art Museum

возвращая им смысловую наполненность буддийской символикой, почти исчезнувшей в советское время. Современные мастера продолжают успешно работать в лучших традициях ювелирного искусства, при этом внедряют новые материалы, такие как рог, слоновая кость, пластмасса, стекло, расширяют спектр

используемых полудрагоценных поделочных камней, вводят новые образы и мотивы, корректируют устойчивые композиционные схемы и формы предметов.

Таким образом, коллекция предметов из фондов Национального музея Республики Бурятия уникальна и наиболее полно отражает художественное своеобразие бурятских огнив из существующих отечественных музейных собраний. В двух фондах МИБ представлены предбайкальские и забайкальские варианты вещей XIX — начала XX в., которые соответствуют вышеуказанным типам тюрко-монгольских огнив. Историю традиционных огнив в контексте общей картины развития художественной обработки металла Бурятии дополняют фонды БХМ, в которых представлены полнокомплектные авторские вещи потомственных и профессиональных мастеров XX в. Введение в научный оборот рассмотренных памятников имеет дальнейшие перспективы в деле изучения особенностей бурятских огнив, также результаты важны для создания музейных экспозиций и комплектования фондов Национального музея Республики Бурятия.

Сокращения

В названиях музеев

БХМ	Бурятский художественный музей им. Ц. С. Сампилова	МИБ	Музей истории Бурятии им. М. Н. Хангалова
-----	---	-----	--

В названиях языков

бур.	бурятский	монг.	монгольский
кит.	китайский	рус.	русский
лат.	латинский		

Исследования

Банаева В. А. Декоративно-прикладное искусство бурят Предбайкалья. Иркутск : Время странствий, 2018.

Баторова Е. А. Орнаментация бурятского огнива из коллекций П. П. Хороших и Ц. С. Сампилова // Научное наследие И. И. Соктоевой в свете актуальных проблем современного изобразительного искусства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения И. И. Соктоевой (Улан-Удэ, 26–30 июля 2018) / науч. ред. Б. Ц. Гомбоев. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. С. 26–32.

Баторова Е. А. Огниво как атрибут кочевника: к вопросу типологии вещи тюрко-монгольского мира // Вещь. Время и место : ежегодник науч. семинара по изучению объектов искусства / под ред. Л. А. Беляева, С. И. Барановой. М. : Изд-во РГГУ, ИА РАН, 2022. Т. 2. С. 61–72.

Белый волосок серебряный до Луны дотяни... (Серебро Бурятии) / И. И. Соктоева [и др.] / под ред. Д. С. Дугарова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2002.

Кочешков Н. В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX — середины XX века. М. : Наука, 1979.

Михайлов В. А. Традиционные ремесла бурят: строительство, металлообработка (XVII – начало XX века) / отв. ред. Т. М. Михайлов. Улан-Удэ : Бэлиг, 2006.

Петри Б. Э. Орнамент кудинских бурят // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. V, вып. 1. Петроград : Тип. Рос. Акад. наук, 1918. С. 215–252.

Цултэм Н. Декоративно-прикладное искусство Монголии. Mongolian arts and crafts. Arts artisanaux de la Mongolie. Arte decorativo aplicado de Mongolie / ред. Д. Баярсайхан. Улан-Батор : Гос. изд-во, 1987 (на рус., англ., фр., португ. яз.).

Амгалан М. Баруун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс = The cultural monuments of Western Mongolia. Улаанбаатар : Монсудар, 2000 (на монг. и англ. яз.).

Нарантуяа Ц. Монгол урлагийн үнэт бүтээлүүд: Аюурзанын Алтангэрэлийн цуглуулгаас. Treasures of Mongolian Art : Collections of Altangerel Ayurzana. Улаанбаатар : «Азийн Урлаг» Эртний Эдлэлийн Галерей, 2005 (на монг. и англ. яз.).

Remick J., James S., Dowle A., Finn P. The Guide Book and Catalogue of British commonwealth coins, 1649–1971. 3rd ed. Winnipeg : Regency Coin and Stamp Co., 1971.

References

Amgalan, M. (2000). *The Cultural Monuments of Western Mongolia*. Ulaanbaatar: Baruun mongolchuudyn edijn soelyn dursgalt zujls. (In Mongolian & English)

Banaeva, V. A. (2018). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo buriat Predbaikal'ia* [Decorative and Applied Arts of the Buryats of Pre-Baikal Region]. Irkutsk: Vremia stranstvii.

Batorova, E. A. (2018). Ornamentatsiia buriatskogo ogniva iz kolleksii P. P. Khoroshikh i Ts. S. Sampilova [Ornamentation of the Buryat Tinderboxes from the Collections of P. P. Khoroshikh and Ts. S. Sampilov]. In B. Ts. Gomboev (Ed.), *Nauchnoe nasledie I. I. Soktoevoi v svete aktual'nykh problem sovremennogo izobrazitel'nogo iskusstva: mat'erialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posviashch. 90-letiiu so dnia rozhdeniia I. I. Soktoevoi. Ulan-Ude, 26–28 iyunia, 2018* [I. Soktoeva's Scholarly Heritage in the Context of the Current Issues in Modern Fine Art: Proceedings of All-Russian Scholarly and Practical Conference with International Participation, Dedicated to the 90th Birthday of I. I. Soktoeva. June 26–30, 2018, Ulan-Ude] (pp. 26–32). Ulan-Ude: Buryat State University Press.

Batorova, E. A. (2022). Ognivo kak atribut kochevnika: k voprosu tipologii veshchi tiurko-mongol'skogo mira [A Tinderbox as an Attribute of a Nomad: In the Context of the Typology of an Object in the Turkic-Mongolian World]. In L. A. Belyaeva, & S. I. Baranova (Eds.), *Veshch'. Vremia i mesto. Ezhegodnik nauchnogo seminaru po izucheniiu ob'ektov iskusstva* [Object. Time and Place. Yearbook of the Scholarly Seminar on the Study of Art Objects] (Vol. 2, pp. 61–72). Moscow: RSUH Press, IA RAS.

Kocheshkov, N. V. (1979). *Dekorativnoe iskusstvo mongoloiazychnykh narodov XIX – serediny XX veka* [Decorative Art of the Mongolian Peoples of the 19th – mid-20th Centuries]. Moscow: Nauka.

Mikhailov, V. A. (2006). *Traditsionnye remesla buriat: stroitel'stvo, metalloobrabotka (XVII – nachalo XX veka)* [Traditional Crafts of the Buryats: Building, Metalworking (17th – Early 20th Centuries)]. Ulan-Ude: Belig.

Narantuya, Ts. (2005). *Treasures of Mongolian Art: Collections of Altangerel Ayurzana*. Ulaanbaatar: Art Gallery “Asian Art” Publ. (In Mongolian & English)

Petri, B. E. (1918). Ornament kudinских buriat [Ornament of the Kuda Buryats]. *Sbornik muzeia antropologii i etnografii* [Publications of the Museum of Anthropology and Ethnography] (Vol. 5, Iss. 1, pp. 215–252). Petrograd: Russian Academy of Sciences Publ.

Remick, J., James, S., Dowle, A., & Finn, P. (1971). *The Guide Book and Catalogue of British Commonwealth Coins, 1649–1971* (3rd ed.). Winnipeg: Regency Coin and Stamp Co.

Soktoeva, I. I. et al. (2002). *Belyi volosok serebrianyi do Luny dotiani... (Srebro Buriatii)* [Stretch the White Silver Thread to the Moon... (Silver of Buryatia)]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ.

Tsultem, N. (1987). *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo Mongolii = Mongolian arts and crafts. Arts artisanaux de la Mongolie. Arte decorativo aplicado de Mongolie*. Ulan-Bator: State Publishing House (In Russian, English, French & Portuguese).

Баторова Елена Александровна

кандидат искусствоведения, доцент
кафедры теории и истории искусства
Российский государственный
гуманитарный университет
125993, Москва, Миусская пл., 6
E-mail: batea2005@mail.ru

Batorova, Elena Alexandrovna

PhD (Art History), Associate Professor
Department of Theory and History of Art
Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
Email: batea2005@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3326-3424>

Бороноева Татьяна Анатольевна

кандидат искусствоведения, директор
Национальный музей Республики Бурятия
670000, Улан-Удэ, ул. Профсоюзная, 33
E-mail: tatboronoeva@gmail.com

Boronoeva, Tatiana Anatolievna

PhD (Art History), Director
National Museum of Buryatia
33 Profsouznaya Str., 670000 Ulan-Ude,
Russia
Email: tatboronoeva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-0042-6779>